

ЕВГЕНИЙ ЛАЗАРЕВ:

Культура. — 1997. — 29 марта. — с. 12

В свой юбилей буду гулять в лесу

ПЕРСОНА

Люди театра сегодня все чаще и чаще осваивают смежные профессии: драматург играет на сцене, режиссер драмы ставит оперу, актер преподает, критик пишет пьесы. Евгений Лазарев в это веяние времени вписывается как нельзя лучше. Он играет на сцене Театра имени Моссовета, снимается в кино, ставит спектакли в России и Америке, преподает в РАТИ и Школе-студии МХАТа. И в таком весьма насыщенном творческом состоянии он отметит 31 марта свое 60-летие.

— Евгений Николаевич, кем вы все-таки себя ощущаете в большей степени, учитывая такой разброс профессий?

— Я себя в равной степени ощущаю и актером, и режиссером, и педагогом. В зависимости от того, чем занимаюсь в данное время. Стараюсь свою жизнь так организовать, чтобы не распыляться. Неделю, например, занимаюсь только студентами, все остальное отключаю.

— Получается?

— А только так и можно. В бытность мою главным режиссером Театра на Малой Бронной с этим была связана масса проблем. Вышел один человек за дверь моего кабинета, вошел другой — а я его не слышу, я все еще с тем продолжаю часа три мысленно беседовать. Такая вот у меня консервативная психика.

Причем я люблю заниматься чем-либо плотно, если хотите, по-американски. Недавно, например, поставил в Театре имени Маяковского "Банкрота" всего за семь недель. Все удивлялись: как это можно? Можно! Если не трепаться, не рассказывать анекдоты, приходить собранным и знать, чего ты хо-

чешь. А когда работа заканчивается, наступает день пустоты, перестройки — и переключаешься на другое. Вот и все.

— И все же, что для вас более близкое, родное, любимое?

— Все одинаково интересно. Снимаюсь в кино и в этот момент думаю: Боже мой, всю жизнь бы этим заниматься. А потом со студентами не можешь расстаться. Выходишь на сцену: как хорошо, как удачно все получается (если удачно, конечно). Нет, я не могу ничего выделить.

— Вы часто говорите, что занялись режиссурой лишь для того, чтобы помочь молодым. Что это — отклик на собственное непростое утверждение в профессии?

— Ну конечно. Хотя в театре у меня сразу все сложилось на удивление удачно. Но учеба в Школе-студии МХАТа — это была пытка, катастрофа, постоянно на грани исключения, ухода. Я наработал комплексы, неврастению, несколько раз попадал в больницы, нервные клиники. Это потом мне сказочно повезло, что я уехал в Ригу к Павлу Хомскому, с которым у нас сложилось полное понимание. Все, что

было катастрофически трудным во время учебы, стало ясным, родным, как бы с детства знакомым. Восемь главных ролей, одна за другой. Успех, которого я не ожидал. Рецензии. Обо мне ли это пишут?! Что-то невероятное происходило.

Я — страшный противник репрессивных методов в педагогике и режиссуре. Это пещерный способ. К сожалению, он еще имеет место быть у нас. Говорят, что подобные методы закаляют характер. Но хорошо выступава- ют только посредственности, они крепки. Людей же талантливых можно этим либо уничтожить, либо на несколько лет вогнать в стресс, потому что у них высокая организация, тонкие проводки.

— Нет ли у вас искушения, вслед за Табаковым, Фоменко, Калягиным создать собственный театр, пригласив туда своих учеников и актеров-единомышленников?

— Нет, с этим покончено. Создать новый театр — нехитрое дело. Держать его трудно. Я ведь знаю, что это такое. А сейчас еще и масса финансовых проблем существует. Да и постоянная труппа, как мне кажется, не лучший вариант. Так что ученики — да, постановка, вокруг которой собираются единомышленники, — да. Дальше — нет. Не хочу, не вижу смысла.

— С чего началось ваше открытие Америки?

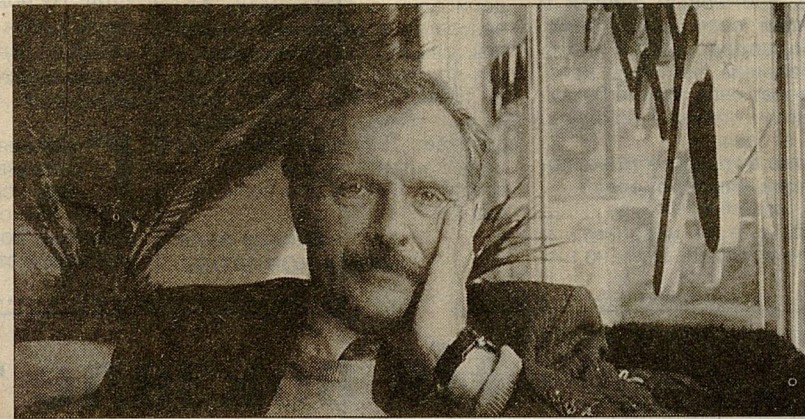
— В 1988 году с группой молодых актеров Театра имени Моссовета мы сделали спектакль "Дорогая Елена Сергеевна", который был приглашен в двухмесячное турне по городам Америки. После чего мне предложили поработать со студентами и молодыми актера-

ми, восемь месяцев я там пробыл. Ну и дальше приглашения постоянно поступали: сыграть, поставить, научить. Я выпустил несколько постановок с американскими актерами: "Двадцать семь вагонов хлопка" Т.Уильямса, чеховские "Медведь" и "Предложение", "Ящерицу" А.Володина, два раза ставил "Банкрота" Островского. Сам сыграл в двух спектаклях — Томаса Бекета в "Убийстве в соборе" и в пьесе "Прогулки в лесу".

— Какие отношения сложились у вас с тамошними студентами?

— Знаете, когдаходишь в любую американскую школу, то испытываешь такую гордость. С одной стороны, тебя подпирал Константин Сергеевич, с другой — Антон Павлович, а рядом еще — Лев Николаевич с Федором Михайловичем. И на тебя смотрят чуть ли не как на одного из них. В Америке удивительно сумели воспринять учение Станиславского, и не только теорию, но и этику. Там в театрах — тишина за кулисами, уважительное отношение друг к другу, какая-то возвышенность. Во время спектакля никого к актерам не пускают. Даже меня, режиссера, и то, помню, завернули. Я шел с последними замечаниями перед премьерой "Банкрота", а мне говорят: любое общение закончено, вы можете нарушить атмосферу.

А вообще, когда говорят об Америке, это обычно — Брайтон-Бич, заработки, чековые книжки. Я ни разу не был на Брайтон-Бич, а перед эмигрантской аудиторией выступил всего однажды. Меня там другое привлекает, иная атмосфера жизни. Америка — это белые деревянные церкви, которых великое множество в каждом маленьком городке. И они полны народа. Крестят публично, и маленьких Боба или Джулию

весь этот городок принимает в свою общину. Или, например, зубной врач устраивает свадьбу. Знаете, сколько гостей? Семьсот человек.

В американской церкви я стал впервые понимать, что такое проповедь. Их церковь сильно обращена к интеллекту, это почти психоанализ. Там избавляют от многих комплексов. Вас не гипнотизируют, а говорят что-то очень простое о жизни, и в какой-то момент замкнутый круг разрывается, от точного сравнения, удачного слова.

— Вы с такой страстью и любовью говорите об Америке, что невольно возникает банальный вопрос, а не хотелось бы вам остаться там навсегда?

— Нет, для меня такого вопроса даже не существует. И не только потому, что здесь, как говорится, жизнь прожита, семья, ученики. Америке ведь не до театров. Там невозможно представить нашу театральную ситуацию — сотни трупп в столице, обязательный театр в каждом провинциальном городе, и все они ежевечерне полны.

— И это при той отдаче, с которой, по вашим словам, работают американские артисты?

— Абсолютно, потому что они могут играть и в пустых залах. Американская

театральная жизнь — это островки, вроде Бродвея. А есть громадные территории, где не встретишь ни одного театра. Темп жизни другой. Нормальный американец встает в полшестого утра. Он принимает душ и завтракает в машине. В течение дня он вкалывает и не так, как мы, потому что там выжимают все соки. Возвращается домой вечером — и его нет ни для жены, ни для детей, ни даже для телевизора. Только спать. Какой театр?

— Ну хорошо. Давайте вернемся в Москву. Не кажется ли вам, что в Театре имени Моссовета вас слишком "берегут", занимая в новых спектаклях не так часто, как хотелось бы зрителям?

— Кажется. Но мне сейчас такой режим очень удобен, потому что позволяет заниматься педагогикой и режиссурой. К тому же я все-таки играю четыре разные роли, крупные, сложные — это немало. Правда, ничего нового пока не предлагаю.

— И как вы относитесь к актерским простоям?

— Спокойно, потому что меня жизнь научила, что планировать заранее ничего нельзя. Я ведь в свое время не был назначен ни в "Ошибки одной ночи", ни на Шарля Бовари, а все-таки сыграл их.

Не надо дергаться, я уже не мальчик. К тому же многие режиссеры меня боятся.

— За что?

— А я скандальный. Не умею слепо выполнять задания, должен сам до всего дойти. Я швыряю табуретки на репетициях.

— В режиссера?

— И в него, и в партнера, или просто вверх. Ботинок могу кинуть. Это, наверное, плохо. Но на репетициях должен быть эмоциональный накал, конфликт. Тогда что-то рождается. Я так работаю, в конкретном процессе для меня нет старых авторитетов. Я с самим Гончаровым ссорился.

— Он так кричит на актеров...

— И я кричал в ответ. И ничем плохим это не кончилось. Более того, когда я в первый раз закричал, Гончаров сказал: "Наш человек".

— Кино вас не забывает?

— Пока нет. Недавно сыграл президента России.

— Реального или фантастического?

— Фантастического, по имени Евгений Карпов. Правда, в голливудской картине, естественно, на английском языке. Фильм называется "Святой", в главной роли снялся Вэл Климмер. Интересно было столкнуться с другой кинематографической цивилизацией. А здесь я в нашу киношную тусовку не вхожу, это меня мало волнует.

— Есть в вас сейчас юбилейный настрой?

— Нет. Более того, он совершенно не вписывается в то, чем я сегодня занимаюсь. Знаете, одному юбилей нужен, чтобы о нем вспомнили; другому — чтобы доказать свою потенцию, мощь, состоятельность, третьему — чтобы взять от жизни недополученное. Так вот у меня нет необходимости ни в одном из этих трех пунктов. Поэтому я даже спектакль в этот день просил не назначать. Я лучше с собакой по лесу погуляю...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

Лазарев Евгений Николаевич 25.03.94